

Прмечания

1. Башлачев А. Посошок. Л., 1990. 80с.
2. Время колокольчиков. М.: Искусство, 1990. 121с.
3. Гребенщиков Б. 14: полный сборник текстов «Аквариума» и Б. Г. М.: Experience, 1993. 398с.
4. Кинчев К. Жизнь и творчество. М.: Новый геликон, 1993. 293с.
5. Макаревич А. Все очень просто. М., 1994. 223с.
6. Майк из группы «Зоопарк». Тверь, 1996. 228с.
7. Nautilus Pompilius: Введение в наутилусоведение. М.: ТЕРРА, 1997. 400 с.

© Ю.В. Несынова
Екатеринбург

Г. ИВАНОВ: ПОЭЗИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ

*И полною грудью поется,
Когда уже не о чем петь.
Г. Иванов*

В начале своего творческого пути Г.В. Иванов считался критиком и собратьями-поэтами «петербургским» поэтом средней руки, одним из многих ему подобных. Его поэзия была подчеркнута бес субъектна и описательна, преобладали жанры экфразиса и ведуты, пейзажные зарисовки, традиционные темы и мотивы. В 1922 году Г. Иванов покинул Россию навсегда. Долгие периоды молчания в эмиграции свидетельствуют об изменениях, происходивших во внутреннем мире поэта: его мироощущении, ценностных ориентирах, нравственных приоритетах. Когда голос Г. Иванова вновь зазвучал – это была уже совсем другая поэзия, за которую современники по праву присудили ему «бедное, потертое кресло первого поэта русской эмиграции» (Р. Гуль).

Лирический герой раннего Г. Иванова существовал в особом мире рафинированной культуры и красоты. Средоточием этого мира и, шире, центром Вселенной, средоточием мироздания для него был Петербург. Потеря Родины и привычного культурного контекста, чувство одиночества и бездомности эмигранта, тяготы эмигрантского существования, на которые наложились события первой половины XX века: сталинский террор в России, Вторая мировая война (Иванов пережил фашистскую оккупацию во Франции), – все это обусловило изменение мироощущения поэта.

Г. Иванов чувствует, что мир вокруг него потерял свое единство и гармоничность и рассыпается на части. Вместе с миром рассыпается на части душа лирического героя: «История моей души и история мира. Они переплетены, как жизнь и сон. Они срослись и проросли друг в друга... Обнявшись, слившись, переплетаясь, они уносятся в пустоту со

страшной скоростью тьмы, за которой лениво, даже не пытаясь ее догнать, движется свет».¹ В мире рассыпающейся на глазах эпохи пропадает понятие красоты, в нем господствует «мировое уродство», «скука мирового безобразия». Это отвратительный хаос, где по спирали в вечность летят «окурки, закаты, бессмертные стихи, обстриженные ногти, грязь из-под этих ногтей (...) Черемуха, звезды, невинность, раковые опухоли, заповеди блаженства, ирония, альпийский снег».²

В этом хаотическом мире нет больше места искусству. «Новые железные законы, перетягивающие мир, как сырую кожу, не знают утешения искусством. Более того, эти – еще неясные, уже неотвратимые – бездушно справедливые законы, рождающиеся в новом мире или рождающие его, имеют обратную силу: не только нельзя создать нового гениального утешения, уже почти нельзя утешиться прежним».³ Проблему места искусства, поэзии в современном мире Г. Иванов пытался решить на протяжении двадцати последних лет своей жизни, но так и не нашел однозначного ответа. В какой-то мере его поиски предугадали и, возможно, отразили развитие всей русской поэзии XX века.

Уже в 1938 году поэту становится ясно, что писать прежним языком нельзя – «жизнь больше не понимает этого языка. Душа еще не научилась другому». «Другой» язык будет возможен только тогда, когда в душе окончательно отомрет гармония. Но этот процесс очень медленен и крайне мучителен: «Душе страшно. Ей кажется, что одно за другим отсыхает все, что ее животворило. Ей кажется, что отсыхает она сама».⁴ И душа мычит, как глухонемая, судорожно гримасничая. Такой «гримасой души» можно назвать раздел «Rayon de rayonne», вошедший в самый большой сборник стихотворений, подготовленный самим Г. Ивановым, – «1943-1958. Стихи». Основа этого раздела – дух нигилизма и отрицания гармонии и красоты мира как таковой и прежнего искусства, эту красоту и гармонию воспевающего:

Художников развязная мазня,
Поэтов выпретенная болтовня...
Гляжу на это рабское старанье,
Испытывая жалость и тоску:
Насколько лучше – бляные баранье,
Мычанье, кваканье, кукареку.

Поиски языка, способного выразить новое состояние души в равнодушном и страшном хаосе мира привели Г. Иванова к отказу от многих приемов, используемых им до эмиграции. Постепенно исчезают пышные и экзотические выразительные средства – сравнения, метафоры, эпитеты, изысканный словарь. «Я хочу говорить о своей душе простыми, убедительными словами», – эти слова героя «Распада атома» становятся творческим кредо Иванова. Его поэзия превращается в лирический дневник, уникальный по степени откровенности обнажения глубин человеческого

отчаяния. Характерны названия последних сборников поэта – «Дневник» (название дано самим Г. Ивановым) и «Посмертный дневник» (озаглавлен издателями, вышел после смерти поэта).

Лирический герой «Дневника» и, особенно, «Посмертного дневника» максимально приближен к самому Георгию Иванову. Это старый, больной человек, стоящий на пороге смерти. Существование в «пограничной ситуации» делает поэзию Иванова близкой философии экзистенциалистов. Перед лицом смерти лирический герой начинает ощущать бессмысленность и банальность рассуждений о ценности поэтического бессмертия. Он отделяет в себе поэта от человека, при этом человек оказывается ему ближе, дороже и интереснее:

Допустим, как поэт я не умру,
Зато как человек я умираю.

Те же чувства он начинает испытывать и по отношению к другим поэтам: они больше интересуют его как люди, которым пришлось много страдать:

Александр Сергеевич, вам пришлось ведь тоже
Захлебнуться горем, злиться, презирать,
Вам пришлось ведь тоже трудно умирать.

В «пограничной ситуации» поэзия оказывается беспомощной, не способной утешить и поддержать лирического героя или других людей:

Ничего не может изменить
И не может ничему помочь,
То, что только плачет и звенит,
И туманит, и уводит в ночь.

Наоборот, талант поэта усложняет, коверкает жизнь лирического героя, он ощущает его как проклятие, тяжкую ношу, от которой хотел бы отказаться:

Я бы зажил, зажил заново,
Не Георгием Ивановым,
А слегка очеловеченным,
Энергичным, щеткой вымытым,
Первым встречным-поперечным –
Все равно, какое имя там...

Поэзия – искусственное создание. Этим, по Иванову, объясняется ее двойственный характер: она (как и сам мир) соединяет в себе добро и зло, красоту и безобразие, страдание и блаженство, рай и ад («Поэзия – искусственная поза»). Однако ее корни проросли в мироздание и, следовательно, она неотделима от него.

Сам Г. Иванов, хотя неоднократно провозглашал свой отказ от поэзии вообще («Музыка мне больше не нужна»), все же не смог обойтись без нее. И первое доказательство тому – он продолжает писать до самой смерти. Однако само понятие поэзии переосмысливается поэтом. Георгий Иванов выделяет самую суть поэзии – Музыку, мелодию. В

своих поздних стихах он употребляет только этот термин. Музыка объективируется в некое самостоятельное начало, равновеликое силам Вселенной, способное перевоплощаться в цветок, ветер, песок, летящую бабочку («Мелодия становится цветком»). Поэт – только одно из мгновенных воплощений этого начала, временный хранитель одного неугасимого света. Поэтому неважными становятся имя и отчество «и фамилия расплывается». Музыка неуловима и неуничтожима, она ни в чем и во всем. Ее материальное воплощение несущественно, нет разницы, о чем говорит поэт, главное – воплотить дух музыки: «Подвернулась музыка: ее я запишу. / Синей паутиною хвоста или моста...» В ранней лирике Г. Иванова практически не встречается цитат. Поэзия позднего Г. Иванова наполнена ими. У него появляются стихотворения-центыны («Полутона рябины и малины»). В. Марков называл позднего Г. Иванова поэтом «нового типа», когда цитата не просто используется автором стихотворений в отдельных, хотя бы и многочисленных случаях, но когда поэт всю свою поэзию начинает в каком-то смысле строить на ней. Музыка – надличностна, поэтому «чужое» начинает восприниматься и использоваться Г. Ивановым как «свое».

К воплощению духа музыки и стремился Г. Иванов в своем позднем творчестве. Его стихи последних лет становятся особенно «звучащими». Семантическое значение в них нередко «размывается», и на первый план выходит мелодия. Г. Иванов добивается этого эффекта, используя такие приемы, как постоянное тавтологическое повторение одних и тех же слов, благодаря чему внимание акцентируется на мелодической организации стиха; прием инверсионного «эха», когда интонация понижается к концу строчки и длится, словно бы затухая вдали; и, наконец, чистая звукопись («Желтофиоль» – похоже на виолу)).

Последние стихи, составившие «Посмертный дневник», Г. Иванов был уже не в силах записывать сам. Он диктовал их своей жене Ирине Одоевцевой. Они представляют собой последовательную и подробную фиксацию ухудшения физического состояния умирающего человека и его мысли и чувства. Часто они отражают состояние, когда сознание уже путается и образы чередуются, наплывают без всякой внешней связи, по ассоциациям, которые сложно угадать и объяснить. Иногда они логически противоречивы, путанны, бессвязны. Но и в этих случаях стихи продолжают звучать. Для них характерен четкий ритм, точные и приблизительные рифмы, сложный интонационный рисунок, связывающий стихотворение в одно целое. Это позволяет сделать вывод, что несмотря на кажущуюся ненужность и невозможность поэзии в современном мире, Г. Иванов доказал неуничтожимость духа музыки своим творчеством:

Стихи и звезды остаются.

А остальное – все равно.

Примечания

¹ Распад атома // Иванов Г.В. Собр. соч. в 3 тт. М., 1993. Т.2. С.11.

² Там же. С.33.

³ Там же. С.14.

⁴ Там же. С.18.

© И.В. Орлова

Екатеринбург

СТИХОТВОРЕНИЕ АРТЮРА РЕМБО «LE MAL» В ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ БЕНЕДИКТА ЛИВШИЦА

Обратившись к проблеме перевода стихотворения А. Рембо Б. Лившицом, мы поставили перед собой задачу выяснить, насколько адекватен переводной текст французскому оригиналу.

LE MAL

Tandis que les crachats rouges de la mitraille
Sifflent tout le jour par l'infini du ciel bleu,
Qu'ecarlates ou verts, pres du Roi qui les raille,
Croulent les bataillons en masse dans le feu;

Tandis qu'une folie epouvantable broie
Et fait de cent milliers d'hommes un tas fumant,
—Pauvres morts dans l'ete, dans l'herbe, dans ta joie,
Nature, o toi qui fis ces hommes saintement!

Il est un Dieu, qui rit aux nappes damassees
Des autels, a l'encens, aux grands calices d'or;
Qui dans le bercement des hosannas s'endort

Et se reveille quand des meris, ramassees
Dans l'angoisse et pleurant sous leur vieux bonnet noir,
Lui donnent un gros sou lie dans leur mouchoir!

1870

ЗЛО

Меж тем как красная харкотина картечи
Со свистом бороздит лазурный небосвод
И, слову короля послушны, по-овечьи
Бросаются полки в огонь, за взводом взвод;

Меж тем как жернова чудовищные бойни
Спешат перемолоть тела людей в навоз
(природа, можно ли взирать еще спокойней
Чем ты, на мертвецов, гниющих между роз?) —